

Политическая элита в поисках новой идеологии

Яков Плайс,

доктор исторических наук, профессор
(Финансовая академии при Правительстве РФ)

Без системы идейных ценностей, содержащейся в государственной идеологии, на одном голом прагматизме любая страна не сможет правильно выстроить свою внутреннюю и внешнюю политику.

Именно поэтому политическая элита современной России всерьез озабочена поиском такой идеологии. Однако в отличие от 90-х годов прошлого века, когда этим были заняты многие, и поиск шел во многом стихийно, современный процесс идет более осмысленно и целенаправлено. И занята им, главным образом, политическая элита страны

От редакции

Предисловие

Осенью 2006 г. в отечественном идейно-политическом пространстве вспыхнула продолжающаяся до сих пор масштабная и весьма острая дискуссия по поводу новой дефиниции – “суверенная демократия”.

В спор быстро втянулись не только представители науки, но и политической элиты, включая высших представителей власти – президента страны В.В.Путина, двух первых вице-премьеров – Д.А.Медведева, С.Б.Иванова и многих других известных фигур.

Их участие в развернувшихся дебатах явно указывало на то значение, которое придается самому этому концепту и его укоренению, с одной стороны, в массовое сознание россиян, а с другой – в политическую и идеологическую реальность. Поэтому не удиви-

тельно, что развернувшаяся полемика с самого начала сопровождалась многочисленными статьями в прессе, монографиями и пр.

И участие самых высоких лиц государства, и весьма активные масштабные дискуссии среди научной общественности – все это уже само по себе было беспрецедентно и о многом говорило. Например, о том, что руководители страны и элита основательно озабочены поиском новой идеологии власти.

То, что политическая элита ищет новую национальную (точнее говоря – государственную) идеологию, несмотря на конституционное табу, давно очевидно.

Этот поиск сначала проводился под видом выработки и формирования национальной идеи при президенте

Б.Ельцине, затем в виде программных установок “Единой России”, зачастую называемой партией власти, а теперь в виде концепции “суверенная демократия”, с которой выступила часть высшего эшелона политической элиты.

Почему идет такой поиск разъяснил В.Сурков на одном из брифингов для западных журналистов (конец июня 2006 г.): “Строительство вертикали власти было необходимо и сегодня необходимо, но бюрократическое строение недолговечно, если мы не обогатим его идеологией, признаваемой целой нацией”. Под термином “идеология” Сурков имеет в виду мировоззрение и ценности, которые можно также назвать “набором убеждений”.

“Некоторым нашим чиновникам не мешало бы получить эти убеждения”¹. Докладывая на этом брифинге, что “нация не может существовать без идеологий”, В.Сурков, вместе с тем, отметил, что российская национальная идеология по принципиальным моментам не будет сильно отличаться от европейской.

“Российская модель, – считает Сурков, – конечно, специфична, но не сильно отличается”.

В тоталитарных режимах идеология не нужна, поскольку “там есть страх”. В де-

мократических режимах, “где репрессивный аппарат приводится в действие в основном в крайних случаях”, “без идеологии, принимаемой обществом добровольно, не обойтись”².

В России, по убеждению Суркова, создается не “управляемая демократия”, а “суверенная”, и наше понятие о демократии ничем не отличается от европейского. “Мы строим открытое общество, – заявил Сурков, – не забывая о том, что мы свободны. Мы хотим быть открытой нацией среди других открытых наций и сотрудничать с ними по справедливым правилам, а не управляться извне”. По мысли Суркова, “управляемая демократия” – это “навязываемая некоторыми центрами глобального влияния всем народам без разбора – силой и лукавством – шаблонная модель неэффективных и, следовательно, управляемых извне экономических и политических режимов”².

Не развивая дальше тему содержания концепции, так как этому посвящен один из последующих разделов, отмечу, что раз уж в ее обсуждении участвует необычно большое количество знаковых фигур, разобраться в ней является настоятельной необходимостью. И начать следует с истории вопроса.

Небольшой экскурс в историю

Начало дискуссии вокруг “суверенной демократии” относится не к осени 2006 г., как было сказано в начале статьи, а фактически к весне 2005 г., когда В.Сурковым, заместителем главы администрации Президента РФ, была инициирована дискуссия о национальных приоритетах. Продолжение последовало в феврале 2006 г., когда он же выступил с основными положениями концепции “суверенной демократии” перед активом “Единой России”. Сообщалось, что в ее формировании приняли участие такие известные российские политологи, как Вячеслав Никонов, Глеб Павловский, Ва-

лериер Фадеев, Виталий Третьяков, Андриан Мигранян, Алексей Чадаев, Максим Соколов, Леонид Поляков, Виталий Иванов, Леонид Радзиховский и некоторые другие.

В 2007 г. их статьи, опубликованные в разных периодических изданиях, были изданы в ряде сборников³.

Через некоторое время к дискуссии подключились и руководители “партии власти” “Единая Россия”, начиная с ее председателя Б.В.Грызлова.

Они попытались сделать этот проект своеобразным партийным брэндом и положить его в основу своей предвыборной программы. Но вскоре, как

показалось, “единороссы” как-то “поостыли” к этому “новоязу” и даже несколько дистанцировались от него. Затем, однако (перед думскими выборами 2007 г.), он снова зазвучал, теперь уже в предвыборной программе этой партии.

Особенно настойчиво и интенсивно идею суверенной демократии стали продвигать, начиная со второй половины 2006 г.

Происходило это в самых разных аудиториях. В некоторых из них (например, в вузах) особенно активно.

Например, в начале 2007 г. в Современной гуманитарной академии было издано 46-страничное учебное пособие В.Суркова “Основные тенденции и перспективы развития современной России”, в котором утверждается, что “демократия в России – это всерьез и надолго”, что “как ни парадоксально, демократическое общество... куда более идеологизировано, чем тоталитарное, где страх заменяет идею”.

Широко и подробно излагая все, что связано с суверенной демократией, Сурков предупреждает о том, что **настоящей угрозой суверенитету России является опасность “мягкого поглощения”, при котором “размываются ценности, объявляется неэффективным государство, провоцируются внутренние конфликты”.**

По мнению Суркова, эта опасность не снята с повестки дня. “Думаю, – отмечает он, – эти попытки не ограничатся 2007–2008 годами”.

Спасительным лекарством Сурков считает “формирование национально ориентированного ведущего слоя общества”, или, иначе говоря, элиты⁴.

Весьма важно, что и состояние демократии, и ее перспективы В.Сурков связывает с борьбой против бедности.

“Если мы не снизим всерьез уровень бедности в нашей стране, то, конечно, наше общество не сможет быть устойчивым”. Сейчас же “рентабельность демократии не для всех пока очевидна”⁴.

В этой связи автор упоминает президента США Франклина Рузвельта, чей успех в борьбе против Великой депрессии снискал ему заслуженную славу не только внутри его собственной страны.

Этот аспект темы был развит Сурковым на научной конференции, состоявшейся 8 февраля 2007 г. в МГИМО. Это мероприятие, проведенное под названием “Уроки «Нового курса» для современной России и всего мира”, было посвящено 125-летию со дня рождения американского президента.

Выступая на конференции, В.Сурков, в частности, отметил: “Демократия – это не коммунизм, который, как известно, мог быть построен однажды и навсегда, это не факт, а процесс, и мне кажется, что система Рузвельта, демократия в ее реальном понимании каждый день проигрывает и отстает там, где совершается несправедливость, нарушается закон и где увеличивается бедность и каждый день побеждает там, где люди добиваются справедливости, где они имеют возможность высказываться и где растет их материальное благополучие”⁵.

Несколько новых штрихов к своей концепции В.Сурков добавил в выступлении “Напутствие начинающему либералу”, произнесенном на “круглом столе” “Февральская революция 1917 года. История и современность”, состоявшемся в середине февраля 2007 г. в Российском государственном гуманитарном университете.

“Не надо быть семи пядей во лбу, – подчеркнул здесь Сурков, – чтобы понять, что никто же не возражает против свободы, справедливости, демократии, но темп, органическое развитие – вот что важно, только тогда она укоренится и будет питать нацию, а не убивать ее. Она должна расти изнутри страны и народа, а не насаждаться откуда-то извне. У нас могут быть общечеловеческие ценности, но все-таки практика – применение воплощения в жизнь этих идеалов – она у каждого народа своя”⁶.

Еще одной площадкой Суркова для изложения своих взглядов стал “круглый

стол" "Суверенная демократия и справедливость", проведенный 24 апреля 2007 г. в Институте США и Канады РАН.

"Я ношусь, как всегда, со своей концепцией суверенной демократии, – говорил он на этом "круглом столе". – Это наша попытка формулировать в гуманитарной сфере ту позицию, которая повлияет на политику".

Однако "с точки зрения практической политики теория о том, что суверенитет отмирает – это большая натяжка. Я верю, что наше будущее национально, что Россия, русская культура – они будут".

Вместе с тем, стремление сохранить свою суверенность не исключает для России возможности заимствовать что-то из-за рубежа.

В качестве "дорожной карты суверенной демократии" участники "круглого стола" признали формулу: "Справедливость для каждого в России и справедливость для России в мире".

Об уроках, оставленных Франклином Рузвельтом, подробно говорили самые разные участники упомянутого "круглого стола".

"На мой взгляд, – отметил Сурков, – Рузвельт стал олицетворением высшей власти народа, власти, неотчуждаемой большими деньгами и большими начальниками, он сам был властью, которая стремилась к свободе для всех, поощряя активных и защищая слабых".

По мнению американского посла в России Уильяма Бернса, также участвовавшего в дискуссии, гений Рузвельта заключался в том, что "он понял, что опираться надо не на личности, а на институты".

Позицию У.Бернса попытался подкорректировать Константин Косачев, глава Комитета по международным делам Госдумы, отметивший, что "допустимо ограничение священных коров демократии, но только в том случае, когда они направле-

ны на решение проблем нации и общества, а не на укрепление режима личной власти". Но его тут же поправил Сурков, заявивший: "Замечание о том, что от демократии можно отступить – методологически неверно". Демократия, – по мнению Суркова, – это живой организм, в котором могут смещаться акценты, как в любом организме".

Спор вокруг концепции "суверенная демократия" развивался, надо признать, совсем не так прямолинейно, как может показаться на первый взгляд. После встречи В.Путина с участниками международного дискуссионного клуба "Валдай" (14 сентября 2007 г.), во время которой акценты были расставлены достаточно ясно и твердо (хотя и с оговорками о пользе таких дискуссий), кое-кто пришел к выводу, что дискуссия вообще скоро утихнет.

Но этого почему-то не случилось, что также наводит на новые размышления и определенные выводы. Например, на вывод о том, что в высшем эшелоне политической элиты бытуют существенные (если не глубинные) идеологические расхождения, которые, наверное, сказываются и на политической практике как внутренней, так и внешней.

Однако такие расхождения существуют всегда и во всех странах. Они особенно велики в переходные эпохи. Но их масштаб, степень остроты дискуссий, а также формы проявления различны.

В современной России они достигли почти крайних проявлений, что чревато не просто расколом элит, но и острой борьбой между их сегментами, в частности, по поводу стратегии развития страны.

К вопросу о цели и содержании концепции

Масштаб и уровень дискуссии вокруг концепции "суверенной демократии" наводит на такие вопросы,

как: в чем состоит цель проекта, каково его содержание и какие перспективы его ждут?

Что касается цели, то она представляется достаточно очевидной – заполнить образовавшуюся в начале 90-х годов идеологическую брешь и одновременно указать на ту идеологическую доминанту, которая должна определять и основное содержание идейно-политической жизни страны.

Относительно содержания ситуация сложнее, потому что с самого начала споры развернулись именно вокруг этого: кто-то был и остается однозначно “за” суверенную демократию, кто-то – очевидно “против”, а кто-то осторожничает и ищет золотую середину.

Сторонники и пропагандисты термина “суверенная демократия” утверждают, что связан он с президентским Посланием-2005. В нем В.В.Путин, не употребляя сам этот термин, предложил закрепить за Россией как “суверенной страной” исключительное право “самостоятельно определять для себя и сроки, и условия” реализации “принципов свободы и демократии”⁸.

Аналитики вспоминают и о том, что до озвучивания этого термина у нас в России, его стали произносить на Западе.

Так, в 2004 г. Романо Проди назвал Европейский союз “федерацией суверенных демократий”.

А вице-президент США Дик Чейни заявил в 2006 г. на конференции в Вильнюсе, что провидит на постсоветском пространстве “сообщество суверенных демократий”⁸.

И Романо Проди, и Дик Чейни вкладывали особый смысл в свои высказывания. Первый, скорее всего, имел в виду, что страны ЕС, все более сближаясь и превращаясь в реальную федерацию, вместе с тем остаются суверенными демократическими странами. Едва ли он имел в виду независимость от США.

А вот Дик Чейни явно подразумевал совсем другое, а именно – независимость новых прибалтийских государств от России.

Какой же смысл вкладывает в термин “суверенная демократия” *российская* политическая элита и *российские* ученые-обществоведы?

Отвечать на этот вопрос надо с учетом той интерпретации этого термина, которую предлагает политическому и научному сообществу В.Сурков.

В концептуальной статье “Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию” есть маленький параграф “Определение”, в котором автор излагает свое понимание этого термина.

“Рассуждение о суверенной демократии в России, – пишет он, – отвечает положениям Конституции, согласно которым: *во-первых*, “носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ”; *во-вторых*, “никто не может присваивать власть в Российской Федерации”⁹.

Таким образом, **“допустимо определить суверенную демократию как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими”⁹.**

Фактически в то же время, когда была опубликована статья В.Суркова представители руководства партии “Единая Россия” объявили на “круглом столе” “Суверенная демократия: от идеи к доктрине”, состоявшемся в московской штаб-квартире партии, о том, что доктрина “суверенной демократии” станет основой программы этой партии.

Объявивший об этом заместитель секретаря президиума генсовета “Единой России” Олег Морозов отметил: “Мы признаем все демократические ценности, но все они реализуются в конкретной национальной модели”. По его оценке, концепция

“суверенной демократии” – это “ответ на конкретные ожидания общества”. “Статья настолько отвечает на ожидания, – подчеркнул О.Морозов, – что ее хочется не критиковать, а только приумножить заявленные в ней позиции”¹⁰.

Защищая демократию, которая “нам также дорога, как и суверенитет”, О.Морозов целью партийной работы определил: сделать термин “суверенная демократия” “понятым для любого гражданина”. “Доктрина, – добавил он, – должна “спуститься” на бытовую, общедоступный уровень”¹¹.

Интересными и весьма показательными представляются данные ВЦИОМ, которые представил на “круглом столе” директор этого центра Валерий Федоров¹¹.

По данным исследования, слово “суверенитет” вызывает эмоции лишь у 14% россиян (у 10% – положительные, у 4% – отрицательные). Остальные в большинстве своем его просто не понимают, а если понимают, то не реагируют.

Для обывателя “независимость” это что-то далекое, а вот “демократия” и особенно один из ее фундаментальных принципов – равенство всех граждан перед законом – это близко. И людей очень раздражает, что этот принцип в России по-прежнему не соблюдается. Хуже того, большинство респондентов убеждено, что он у нас “вряд ли приживется”.

“У россиян, – отметил Федоров, – за последние годы накопился дефицит ощущения того, что демократия – это для тебя, а элита таких настроений не улавливает, разговор между властью и обществом по-прежнему ведется на разных языках”¹².

Если “единороссы” всерьез возьмутся внедрять в общественное сознание концепцию суверенной демократии, перед ними,

по мнению Федорова, “возникнет целый ряд проблем”. Первая из них заключается в том, что в течение 90-х годов “понятие “демократии” оказалось подзабытым (точнее сказать – девальвированным – Авт.) и потеряло часть своей силы”.

Что же касается термина “суверенитет”, то по исследованиям ВЦИОМ, молодежи это слово незнакомо, а для более старшего поколения оно ассоциируется с “парадом суверенитетов”, или, иначе говоря, носит негативный смысл. “Люди просто не понимают, что это такое...”, – говорит директор центра¹⁰.

Наиболее полное и весьма аргументированное толкование нового термина было дано В.В.Путиным на уже упоминавшейся выше его встрече с участниками международного дискуссионного клуба “Валдай” (14 сентября 2007 г., Сочи). Отвечая на вопрос: “Какая будет демократия следующего президента?”, В.В.Путин сказал: “Суверенная демократия, на мой взгляд, это спорный термин. Это все-таки небольшое смешение.

Суверенитет – это нечто такое, что говорит о качестве наших взаимоотношений с внешним миром, а демократия – это наше внутреннее состояние, внутреннее содержание нашего общества.

Но в современном мире и в точных науках, и в гуманитарных многие вещи находятся как бы на грани, на стыке различных областей и сфер. Определенная логика у тех, кто утверждает, что такой термин возможен и его можно взять на вооружение, тоже есть.

Поэтому я стараюсь, если Вы заметили, не вмешиваться в эту дискуссию. Не считаю, что она наносит какой-то ущерб. Наоборот, хорошо, когда люди

---

* В “Российской газете” от 29 ноября 2006 г. цитата Федорова представлена несколько иначе: “Дефицит равенства, дефицит ощущения, что демократия для тебя – это один из моментов, который недостаточно улавливается элитой”.

об этом думают, то есть думают о том, как обеспечить наши национальные интересы вовне, создав эффективное, очень чувствительное к происходящим в мире событиям и комфортное для наших собственных граждан общество. Мне кажется, поиск подобных концепций полезен. Поэтому я не вмешиваюсь и не занимаю какую-то однозначную позицию, потому что сама дискуссия мне нравится.

Если совсем откровенно говорить, не так уж много сегодня в мире стран, которые имеют удовольствие и счастье заявить, что они являются суверенными. Это Китай, Индия, Россия и еще несколько стран. Все остальные находятся в определенной и очень существенной зависимости либо друг от друга, либо от лидеров блока. Это не очень приятно, но это мое глубокое убеждение, и это правда...

Поэтому суверенитет – это очень дорогая вещь и на сегодняшний день, можно сказать, эксклюзивная. Но Россия – такая страна, которая не может существовать без защиты своего суверенитета. Она будет либо независимой и суверенной, либо, скорее всего, ее вообще не будет”¹².

Достаточно четкую позицию в споре о суверенной демократии с самого начала его возникновения занял также первый вице-премьер Д.А.Медведев. Свое отношение к этому термину он излагал не раз. И внутри страны, и за ее пределами.

Например, на популярном Давосском форуме (конец января 2007 г.) обращаясь к западным экспертам, Медведев отметил, что “в России существует реальная демократия”, что демократия “как общественное явление, как юридическая конструкция не требует специальных пояснительных слов и является вполне универсальным термином”. Отметив также, что “та ситуа-

ция, в которой Россия живет сегодня, принципиально отличается от той конструкции, которая была еще 15 лет назад”, Медведев заявил: “Но мы не будем останавливаться на достигнутом, мы будем совершенствовать здание нашей демократии еще долгие-долгие годы”¹³.

“Сегодня мы строим новые институты, основанные на базовых принципах полноценной демократии. Демократии – *без ненужных дополнительных определений*. (курс. – Авт.). Демократии эффективной, опирающейся на принципы рыночной экономики, верховенства закона и подотчетности власти остальному обществу. Мы хорошо понимаем, что еще ни одно демократическое государство не стало по-настоящему процветающим по одной простой причине – **свобода – лучше несвободы**”¹⁴. На взгляд Медведева, демократические государства “тем и отличаются от недемократических, что в случае прихода к власти других сил, других партий сохраняется преемственность курсов”¹⁴.

Чтобы как-то сгладить явные различия с Сурковым, Медведев уже на следующий день после возвращения из Давоса на встрече с активистами молодежных организаций, отвечая на вопрос, не окончен ли его давний спор с В.Сурковым по поводу того, какая демократия нужна России, отметил, что этот спор носит исключительно “дружеский характер”. “Дело ведь не в терминах и прилагательных, которые могут быть применимы к понятию “демократия” – добавил Медведев. – Я считаю, что демократия может быть эффективной только в условиях суверенного государства. А суверенитет может принести результат только в условиях демократического режима”.

Присутствовавший на встрече В.Сурков также отметил, что никаких

принципиальных расхождений во взглядах на демократию у него с Медведевым нет. “Наши расхождения во взглядах – это мелочи” – подчеркнул Сурков.

Наряду с “мягкими” оппонентами у концепции “суверенная демократия” есть и значительно более “жесткие”. Наиболее последовательным противником понятия “суверенная демократия” является спикер Совета Федерации ФС РФ Сергей Миронов. Общаясь с воронежскими журналистами (начало августа 2007 г.), С.Миронов заявил: “Под термином «суверенная демократия» нужно понимать наращивание суверенитета и сокращение демократии”. Миронов считает, что термин этот “надуманный”, поскольку “демократия не нуждается в каких-то эпитетах, определениях или прилагательных”¹⁵.

Оценивая заявление Миронова, аналитики немедленно связали его с предвыборной борьбой и необходимостью “Справедливой России”, лидером которой является С.Миронов, противопоставлять себя “Единой России” и ее идеологии.

К достаточно “жестким” оппонентам новой концепции можно отнести и неординарного политика, академика РАН Е.М.Примакова. По его мнению, категория “суверенная демократия” имеет ярко выраженный защитный характер, направленный на отстаивание суверенитета государства от внешнего диктата*.

Он пишет: “Суверенитет выражает право нации на свободный и независи-

мый политический, экономический и социальный курс при запрете на какое бы то ни было вмешательство извне.

Суверенитет непосредственно проявляется в процессе осуществления государством его функций во внутренней и внешнеполитической деятельности”¹⁶.

Понимая, что В.Сурков назвал российскую демократию “суверенной” для того, чтобы подчеркнуть самостоятельный тип нашей демократии”, Е.Примаков призывает “видеть и негативные моменты, связанные с этим термином”. Такие моменты он связывает с тем, что организаторы и проводники необъявленной пропагандистской войны против нас, могут использовать этот термин “как показатель справедливости своих упреков в отгороженности России от общепринятых демократических принципов”.

Отделяя политическую оценку от научной ценности термина “суверенная демократия”, Е.Примаков отмечает, что она, “как представляется, весьма сомнительна”.

В доказательство своего вывода он совершенно обоснованно ссылается на то, что “сама суверенность, даже будучи органично отнесенной к государственности, становится в настоящее время далеко не абсолютной.

Ее относительность хотя бы в том, что в интеграционных объединениях государства делегируют часть своего суверенитета на наднациональный уровень. Относительность государственного суверенитета вытекает и из ряда по-

---

* Статья (Независимая газета.2007. 24 августа) опубликована в рамках дискуссии о лекции В.Суркова “Русская политическая культура. Взгляд из утопии” (НГ от 22.06.07).

Ранее в этой же газете были опубликованы статьи К.Ремчукова и С.Бовта (22.06.07), С.Степаншина и М.Барщевского (29.06.07), В.Жириновского и А.Стреляного (06.07.07), Алексея Малашенко и Дмитрия Орлова (13.07.07), Н.Белых и Б.Грызлова (20.07.07), А.Богданова (10.08.07).

Понятно, что таков состав авторов не случаен. Одни “за” суверенную демократию, другие – “против”.

ложений Устава и практики Организации Объединенных Наций.

Группа высокого уровня, созданная бывшим Генеральным секретарем ООН Кофи Аннано, в которой мне довелось состоять, пришла к единодушному мнению о возможности (но обязательно при решении Совета безопасности ООН) вмешательства во внутренние дела государства, если внутренняя ситуация в нем угрожает миру и стабильности в регионе или на глобальном уровне.

Это положение, рассматриваемое как альтернатива американскому унитаризму, вытекает из главы VII Устава ООН¹⁶.

Наряду с мягкой критикой, сочетающейся с определенной поддержкой, которая звучит, к примеру, в той же упомянутой статье Е.Примакова, за прошедшие два года по теме “суверенной демократии” было опубликовано немало и остро критических статей и отзывов.

Откровеннее всех высказалась либеральный политолог Л.Шевцова, считающая, что “... слова “суверенитет”, “территория”, “мощь”, “державность” уже выброшены из политического лексикона”, что “... российская элита продолжает считать военную мощь, территорию и суверенитет, то есть атрибуты прошлого века, единственно возможным способом суще-

ствования государства, потому что по-другому она править не научилась”¹⁷.

Другой либеральный политолог, заместитель председателя федерального политсовета СПС Л.Гозман пишет: “Невозможно разделять идею угрозы суверенитету России. Через страхи такого рода проходили многие страны, но ведь давно прошли... Борьбаться сегодня за суверенитет России – это то же самое, что готовиться к отражению нашествия марсиан...”¹⁷.

Весьма критично по поводу “суверенной демократии” и идей В.Суркова относительно русской политической культуры высказывается и лидер СПС Н.Белых.

“Изложенные в его докладе идеи, – пишет он, – сами по себе вряд ли кого-то объединяют и на что-то вдохновляют”. “Внимательно изучив “рассказ” Суркова, – читаем мы дальше, – можно сделать вывод: в нем не только, да и, честно говоря, не столько, содержатся идеи главного идеолога страны, сколько формулируются принципы, на которые опирается верховная власть, а если говорить прямо, то эти принципы “спускаются” обществу сверху.

Именно “ореол власти”, присущий автору, делает этот текст ценным (или даже “бесценным”), интересным и заслуживающим внимания и подробного обсуждения”¹⁸.

Можно было бы и дальше цитировать мнения и оценки сторонников и противников концепции “суверенной демократии”, коих достаточно. Но приведенных вполне достаточно, чтобы прийти к некоторым обобщениям.

Некоторые итоговые размышления и выводы

1. Появление в последние годы концепции “суверенной демократии”, как и жаркая непрекращающаяся дискуссия вокруг нее, явления вполне понятные и объяснимые.

Идет поиск государственной идеологии (или системы идейных ценностей), без которой ни одна страна нормально существовать и целенаправленно развиваться не может. Ясно и то, что на начальном этапе разработки

концепции, ее трактовки, естественно, различные и нередко весьма противоречивые.

Как противоречивы и взгляды В.Суркова, основного автора концепции. В одной обстановке (выступая, например, перед западными журналистами) он говорит, что демократия в России не отличается от европейской, в другой – он утверждает, что у каждого народа она своя.

Противоречивых взглядов, нередко диаметрально противоположных, придерживаются также другие авторы и различные элитные группы. (Кстати говоря, абсолютной интегрированности элит нет ни в одной стране, даже в тоталитарных. Степень консолидации элит – это всегда понятие весьма относительное. Таков закон функционирования элит).

Концепцию суверенной демократии Сурков с самого начала связывал с идеей национальной идеологии. Ни левой, ни правой, а центристской.

Когда в процессе дискуссий (например, в Институте США и Канады) эту концепцию стали увязывать с идеей социальной справедливости, стало ясно, что она по сути своей – левая. И не только в России.

Нет никакого смысла говорить о подлинной власти народа, не задумываясь об условиях, которые эту власть могут реально обеспечить.

2. В рассуждениях и аргументации авторов и сторонников “суверенной демократии” прослеживается методологическая ошибка.

Она состоит, *во-первых*, в стремлении соединить то, что соединять не следует, а именно в стремлении соединить такие разнонаправленные феномены, как суверенитет и демократию.

Понятие суверенитет предполагает независимость государства от внешнего мира, а демократия имеет внутреннюю направленность.

На это совершенно обоснованно указал и В.В.Путин.

Тем не менее, авторов дефиниции “суверенная демократия” понять можно. Интерпретируя ее они полагают, что никакая внешняя сила не имеет право вмешиваться во внутренние дела России и диктовать, как должна строиться и развиваться наша демократия и есть ли она у нас вообще или нет.

Другая сторона методологической ошибки авторов и сторонников рассматриваемой концепции заключается в том, что они недостаточно ясно представляют себе теорию вопроса.

Начиная с различий между типами идеологий (в частности, партийной, государственной и национальной) и заканчивая тем, как каждая из них формируется, как одна трансформируется в другую, и как они укореняются в государственной жизни и общественном сознании. (Эта особая тема заслуживает отдельного рассмотрения).

3. В ускоренно глобализирующемся мире подлинно суверенными могут быть только те страны и государства, которые обладают мощным совокупным потенциалом, позволяющим им принимать решения без оглядки на мнение и реакцию остального мира. Но таких стран в сегодняшнем мире фактически нет. Даже самые могущественные, начиная с США, признаваемые как сверхдержавы, да и великие державы вынуждены считаться с другими, порой самыми слабыми.

В этом контексте у нас нет достаточных оснований говорить об *абсолютном*, или полном *суверенитете*, которого, к слову сказать, не было и в прежние времена. Поэтому речь может идти лишь об *относительном суверенитете*. И эта относительность также различна. Тот, кто сильнее, опытнее, успешнее, тот более свободен в своих решениях и действиях, и наоборот.

К сказанному надо добавить, что ускоренная глобализация объективно ведет к унификации, преодолению и, в конечном счете, вполне вероятно, к стиранию различий между государствами. Особенно это касается унификации механизмов взаимодействия между ними для решения все более обостряющихся глобальных проблем.

Именно поэтому государства вынуждены по объективным причинам

заимствовать друг у друга наиболее эффективный опыт и унифицировать не только институты и механизмы внешнеполитических отношений, но и внутренней политики. Поскольку наиболее эффективными в этой ситуации оказываются институты и механизмы, основанные на конкурентных демократических началах, постольку их объективно берут за основу.

В подтверждение этого тезиса сошлюсь на тот хорошо известный факт, как много при разработке российской Конституции 1993 г. было заимствовано у западных стран из их политического опыта.

Но нельзя думать, что процесс унификации моментальный. По историческим меркам он достаточно быстротечен, но по меркам человеческой жизни весьма даже растянут.

4. Надо ясно представлять себе всю относительность демократии, как и вообще любого социально-политического феномена.

Эта относительность выражается во многом.

Например, в том, что демократия предполагает подчинение воли меньшинства воле большинства. Но именно меньшинство (и таких примеров

история знает немало) нередко оказывается правым. В то время как большинство, подчиняясь влиянию момента или другим обстоятельствам и ища сиюминутную выгоду, выбирает подчас неверное с исторической точки зрения решение.

Подлинная демократия, в том числе так называемая *суверенная*, может образоваться там, где есть для этого необходимые условия. Прежде всего, мощная экономика, способная обеспечить социальные права и свободы граждан. Голодный и социально незащищенный человек – зависимый субъект – объект манипуляции государства. Ему нет дела до типа и содержания демократии. Он думает лишь о том, как добыть кусок хлеба насущного и как найти надежный и безопасный кров, а не о том, какая должна быть в стране избирательная система: смешанная или пропорциональная.

Но в этом мире все тотально взаимосвязано и взаимозависимо. Поэтому от того, какая власть в стране, как она формируется и относится к своим гражданам и как они к ней, в конечном счете, зависят результаты деятельности страны и благополучия ее жителей.

Примечания

¹ Известия. 2006. 29 июня.

² Независимая газета. 2006. 29 июня.

³ PRO суверенную демократию. Сборник / Сост. Поляков Л.В. М.: Изд-во “Европа”, 2007; Суверенитет. Сборник / Сост. Н.Гараджа. М.: Изд-во “Европа”, 2007; Суверенная демократия. От идеи к доктрине. Сборник. М.: Изд-во “Европа”, 2007.

⁴ Независимая газета. 2007. 25 января.

⁵ Известия. 2007. 12 февраля.

⁶ Известия. 2007. 15 марта.

⁷ Российская газета. 2007. 09 февраля.

⁸ PRO суверенную демократию. Сборник / Сост. Поляков Л.В. М.: Издательство “Европа”, 2007. С. 3, 4.

⁹ *Сурков В.* Национализация будущего. Параграфы PRO суверенную демократию // Эксперт. 20–26 ноября (№ 43 (537)). 2006. С. 102.

¹⁰ Российская газета. 2006. 29 ноября.

¹¹ Известия. 2006. 29 ноября.

¹² [www//president.kremlin.ru](http://www/president.kremlin.ru)

¹³ Независимая газета. 2007. 30 января.

¹⁴ Известия. 2007. 29 января.

¹⁵ Независимая газета. 2007. 07 августа.

¹⁶ Независимая газета. 2007. 24 августа.

¹⁷ Известия. 2006. 24 апреля.

¹⁸ *Белых Н.* Идеология суверенной демократии // Независимая газета. 2007. 20 июля.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**